

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.18>

Джапаров Антон Иванович

Учение об истине в философии "общего дела" Н. Ф. Федорова

В статье рассматривается отношение к истине как философской категории, которое было характерно для русской мысли XIX века. В качестве примера берется система взглядов Н. Ф. Федорова, у которого данный аспект недостаточно полно раскрыт в современных исследованиях. В работе обосновано, что федоровское отношение к истине во многом носит практический характер, являясь аксиологическим (нравственным) в своей сущности. Это проявляется в том, что теоретическим интересам в его учении противопоставлены этические, связанные с памятью об ушедших предках и финальным восстановлением всех ушедших поколений. Кроме того, показано, что для Н. Ф. Федорова синтез науки, религии и философии является необходимой предпосылкой и условием истины. В исследовании обосновывается актуальность такого понимания истины для современной культуры, из которой уходит онтологическое и нравственное осмысление истины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/2/18.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 106-110. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Этика

Ethics

УДК 177.61

Дата поступления рукописи: 16.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.18>

В статье рассматривается отношение к истине как философской категории, которое было характерно для русской мысли XIX века. В качестве примера берется система взглядов Н. Ф. Федорова, у которого данный аспект недостаточно полно раскрыт в современных исследованиях. В работе обосновано, что федоровское отношение к истине во многом носит практический характер, являясь аксиологическим (нравственным) в своей сущности. Это проявляется в том, что теоретическим интересам в его учении противопоставлены этические, связанные с памятью об ушедших предках и финальным восстановлением всех ушедших поколений. Кроме того, показано, что для Н. Ф. Федорова синтез науки, религии и философии является необходимой предпосылкой и условием истины. В исследовании обосновывается актуальность такого понимания истины для современной культуры, из которой уходит онтологическое и нравственное осмысление истины.

Ключевые слова и фразы: истина; вера; разум; религиозно-философский синтез; нравственность; Н. Ф. Федоров; общее дело; русская философия; гносеология; иммортология.

Джапаров Антон Иванович

Московский православный университет святого Иоанна Богослова
djaparov@bk.ru

Учение об истине в философии «общего дела» Н. Ф. Федорова

Состояние современной российской философии у многих ее представителей вызывает значительные опасения. Вообще постсоветский дискурс философии – это во многом дискурс «выживания». Представители профессионального цеха ищут оправдания бытию философии, прекрасно понимая катастрофическое падение ее престижа в обществе. Литература уже необозрима по этому поводу. В качестве характерного примера хотелось бы указать на коллективную работу «Будущее философии: профессиональный и институциональный аспекты», в которой приняли участие такие видные отечественные философы, как К. С. Пигров, В. Д. Губин, Б. В. Марков, В. А. Бачинин и др. [1].

Авторы выказывают обеспокоенность не просто относительно уровня современной философской культуры, но ее низким статусом в социальных и культурных контекстах. Причин, приведших к понижению статуса философии, много. В том числе называются и неизбежная ее специализация, и недооценка народного философствования со стороны профессионалов, и девиантологические аспекты в самом философском мышлении и т.д. Нам представляется значимой точка зрения Б. В. Маркова, который артикулировал идею о том, что сегодня философия уже не является медиумом коммуникации в обществе. И во многом это связано с *трансформацией образа истины* в структуре философского дискурса. Он пишет: «Философия изначально позиционировалась как любовь к истине и таким образом становилась важнейшим медиумом коммуникации. <...> В современной философии, в том числе и в России сложилось множество направлений и школ, сторонники которых говорят на разных языках и не слышат друг друга» [5, с. 31-32].

Мы полагаем, что в целом современную ситуацию можно охарактеризовать как *забвение истины*, превращение ее в орудие интеллектуальных манипуляций, из которых выхолащивается ее внутренний, онтологический и нравственный смысл. Именно поэтому истина и перестает быть медиумом коммуникации, что порождает непродуктивную многоголосицу различных философских дискурсов. Подобная ситуация предполагает нахождение новых оснований для фундирования истины, которые с нашей точки зрения заключаются в том числе и в минимизации того разрыва между верой и знанием, который сформировался в секулярную эпоху. Сегодня исследователи говорят об «онтологическом повороте», предполагающем привлечение веры для обоснования научного знания [2, с. 69]. Онтологический поворот следует понимать как поворот в сторону истины, ее аксиологического статуса.

Если обратиться к философской ситуации в России XIX века, то можно заметить, что среди многообразных течений и направлений выделяется одно, которое было присуще различным мыслителям того периода.

Это напряженное и пристальное внимание к вопросу об истине. Здесь можно назвать такие имена, как А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, Н. В. Гоголь, В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, А. И. Герцен, Л. Н. Толстой, В. В. Розанов и многие другие, которым было присуще общее стремление к истине вне зависимости от ценностных и мировоззренческих ориентаций.

В этой плеяде мыслителей XIX в. заслуживает внимания фигура Н. Ф. Федорова, интерес к которому неуклонно возрастает именно в последние десятилетия. Свидетельство этому – крупные научные мероприятия, регулярно проходящие в России и собирающие большое количество авторитетных отечественных и зарубежных философов и ученых из различных областей знаний [7; 10; 13; 14]. Наследие этого мыслителя постепенно раскрывается, в результате чего выявляется многообразие тем, идей, проектов, которые он разрабатывал и некоторые из которых воплощаются в действительность. С нашей точки зрения особую значимость имеет *федоровская концепция истины*, которая предполагает, прежде всего, аксиологический синтез разума и веры, то есть науки, религии и философии. Выявление этого синтеза на фоне современной дезинтеграции философии и культуры составляет **актуальность** данной статьи.

Исходя из этого, **цель** работы формулируется как концептуализация федоровского понимания истины, в котором нашли отражение предельные нравственные искания многих видных русских философов как религиозного, так и нерелигиозного направления.

Тенденция трактовать главные идеи Н. Ф. Федорова и философию космизма в целом преимущественно в контексте синтеза науки и религии сегодня является достаточно распространенной [4]. При этом собственно философская категория истины в контексте учения Федорова оказывается недостаточно раскрытой и, соответственно, осмысленной. Восполнение этого пробела составляет **научную новизну** данной статьи.

Идеальная синтетическая проекция русского космизма, идейным зачинателем которого был Н. Ф. Федоров, рисуется следующим образом: «Русский космизм – это синтез современного фундаментального мировоззрения, в котором традиционные ценности отечественной культуры соединяются с научными концепциями о мире» [Там же, с. 47]. Это именно идеальная модель, в которой религия (в данном случае христианство) и наука не вступают в противоборствующие отношения, а как бы идут навстречу друг другу. В целом такая ситуация была характерна для западного Средневековья, когда философия (и наука) была не только «служанкой теологии», но ее равноправным партнером в деле постижения истины. И эта традиция нашла продолжение в русском космизме, конкретнее – в «активном христианстве», которое, прежде всего, связано с идеями Н. Ф. Федорова. Эта позиция разделялась рядом других русских философов, в том числе В. С. Соловьевым, С. Н. Булгаковым, П. А. Флоренским, отчасти Н. А. Бердяевым.

Несмотря на такой в целом оптимистический взгляд, нам бы хотелось обратить внимание на то, что идеальный конструкт космизма так и остался идеальным конструктом, утопией или мечтой, которая не смогла оказать положительного влияния на постмодернистскую многоголосицу, в которой исчезло само вопрошание об истине. Современная духовно разорванная культура утратила понимание *истины как целого*, которое основывается на идеях синтеза знания и веры и о которых постоянно говорил философ «общего дела». В этом плане мы считаем вполне уместным и обоснованным различать философию русского космизма и философию «общего дела». Если русский космизм с течением времени все больше и больше выходил собственно за философские рамки, становясь то художественной практикой, то научно-техническими проектами, то концепция «общего дела» содержит в себе непреходящее философское зерно.

Остановимся на некоторых, с нашей точки зрения, важных и позитивных моментах философских построений Н. Ф. Федорова относительно истины, которые, может быть, и не преобразят моментально действительность, но, по крайней мере, заставят задуматься тех, для кого философия есть серьезное и ответственное жизненное дело.

Необходимо отметить, что, будучи исповедником христианского вероучения, Н. Ф. Федоров понимал истину, прежде всего, согласно Евангелию, в котором утверждается тождество Истины и Христа: «...Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6). Но это высшее измерение истины, ее сотериологический план, необходимый для внутреннего духовного пласта человека. Если речь идет о социально-культурных проекциях истины, то здесь возникает иной ее образ и понимание. Именно этот образ нам необходимо раскрыть, поскольку он, основываясь на Евангелие, все же имеет не ортодоксальный характер, что делает его принадлежащим к религиозной философии.

Понятие истины у Федорова носит практический, ценностно-ориентированный характер. В отличие от большинства философов, Н. Ф. Федоров был сторонником весьма своеобразно понимаемого практического знания, такого знания, которое неизбежно должно перейти в радикальные действия. Иначе оно бесплодно и не имеет никакого смысла. Всю свою жизнь он резко отрицательно относился к абстрактному теоретическому познанию, которое было свойственно всей предшествующей рационалистической философии, в которой знание, вера и дела отделяются друг от друга. В результате чего, согласно мыслителю, получается чисто теоретический продукт, который значим лишь для отвлеченных интеллектуальных целей.

Такому знанию Н. Ф. Федоров противопоставляет свой идеал христианизации действительности, в чем видел высшую цель философии. И поэтому его принципиальная позиция заключается в неприятии исключительно теоретического, абстрактного, или, по терминологии В. С. Соловьева, «отвлеченного знания», свойственного идеалистическо-спекулятивной преимущественно западной нерелигиозной философии. Даже если в ней речь идет о понятиях религии, то и они приобретают характер рассудочного отвлеченного знания.

Отсюда острая, порой радикальная критика больших европейских философов со стороны Федорова, включая Гегеля, Канта, Ницше и др. Вот, например, в заметке «О мировой целесообразности» этот радикализм

выражен достаточно ярко: «... в религии есть смысл, тогда как в философии, понимаемой как теизм, его нет – нет потому, что пришествие Логоса-Сына Единородного не есть философское положение, это истина, открывающаяся не органом философии, чистым разумом: Христос открывается не в отвлеченном мышлении кенигсбергских и тюбингенских профессоров, а в сердцах галилейских рыбаков и жен-мироносиц. И признание вступления целесообразности в мир “путем галилейским” не только не правомочно с точки зрения чисто философского разума и “религии в пределах чистого разума”, а даже прямо несостоятельно» [15, с. 79].

Исследователи по-разному относятся к этому и многочисленным подобным суждениям Н. Ф. Федорова в адрес западных философов. Есть, конечно, и неприятие такого отрицания философской классики. Но в случае Федорова мы имеем дело не с каким-то заурядным второстепенным персонажем, а, по мнению многих крупных русских философов, с выразителем глубинного духа русской философии (показательны суждения о нем Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. Н. Ильина, Л. Шестова и др. [8; 9]). И в любом случае здесь налицо два различных типа философии, два философских логоса, которые на фоне федоровского радикализма проявляются более отчетливо.

Современный сербский философ Владимир Меденица дал очень тонкую и глубокую реконструкцию федоровского понимания истины в статье с таким говорящим названием «Истина есть естина, алетейя, вечная память», связав Федорова и с христианской традицией, и с традициями русской религиозной философии. С его точки зрения идеи Федорова как бы концентрируют главные вопрошания русской философии, в которых явлен тот образ философской истины, который характерен для этой традиции. И это мнение далеко не единично.

Рассмотрим некоторые аргументы В. Меденицы. Он пишет: «Истина далека от того, чтобы быть только гносеологической категорией, ее нельзя сводить к *adequatio rei intellectuellis*, этим она является в самой меньшей степени, она не представляет собой какую-либо формальную или теоретическую ценность» [6, с. 68]. Сербский философ ссылается на П. А. Флоренского, на его этимологическую реконструкцию истины как онтологической и духовной категории. В этом смысле истина не столько есть соответствие высказывания действительности (в аристотелевском духе), но то, что сохраняет жизнь в своем существе, «хлеб наш насущный», то, что дышит, что живое.

Именно такое понимание истины и присуще в полной мере Федорову, полагает В. Меденица. Для Федорова живое и является истинным, а смерть – не истина, так она не живет, не дышит, не кормит, не существует. Несуществование не может быть истиной. «Когда человек, – пишет В. Меденица, – всегдашний человек – цель, тогда и истина не может быть Молохом, в жертву которому приносятся *живые* люди, а как раз наоборот: она должна быть то, что человеку даруется, что кормит и поддерживает его, что дает ему жизнь» [Там же, с. 66]. И здесь намечается интересная связь федоровской идеи воскрешения всех умерших с платоновским пониманием познания как памяти, которое было вытеснено различными рациональными практиками.

Память же, полагает Меденица, есть духовное свойство, которое способно проникнуть в онтологические пласты мертвого, умершего мира и уже самим фактом обращения к ним как бы совершать некое предвоскрешение. Вот почему Федоров придавал такое огромное значение памяти. У самого Платона, конечно, нет идеи воскрешения умерших, но акцент на памяти как истинном механизме познания усваивается Федоровым и прилагается к собственным целям. В этом смысле, как это ни парадоксально, философия «общего дела» Федорова вписывается в традицию платонизма, точнее – христианского платонизма.

В этом контексте можно сказать, что центральная идея всего учения Федорова заключается в восстановлении бытия через память и через нравственный императив воскрешения. Это и есть истина, которая в его системе носит воскресительный характер. Вот некоторые характерные высказывания Федорова на этот счет: «Сущность православия заключается в долге воскрешения. Это очевидно из самого определения веры православной. Вера есть осуществление ожидаемого или чаемого воскресения мертвых (11-й член Символа веры) для жизни вечной (12 чл.), осуществление нашим трудом, а не убеждением в том, что ожидаемое придет само собою» [15, с. 44]. И далее: «Вне-храмовое дело есть уже дело не чудесное; оно выше слепого естества, оно сверхъестественно в смысле превосходства разумной силы над неразумною. В заповеди “научите, крестьящее” заключается уже переход от чудесного действия к естественному совокупному воздействию разумных существ на слепую силу» [Там же, с. 48].

Для Н. Ф. Федорова эти идеи являются основополагающими, о них он пишет в различных своих работах. В этих словах заключается главная идея синтеза веры и знания, а точнее, веры, становящейся знанием, и знания, основанного на вере. Все это подчинено идее воскрешения, которая предполагает победу над смертью, что является типологической чертой русской философии. Об этом говорят многие авторы. Приведем лишь авторитетное мнение современного исследователя русской философской сотериологии В. Ш. Сабирова: «Смерть и ее преодоление составляет центральную болевую точку и основное задание русской идеи и русской религиозной философии. Причем смерть здесь понимается в самом широком смысле слова, как синоним всякого распада и разрушения, включая в себя и личностный, социально-культурный и космический аспекты бытия. Духовное преодоление смерти в русской религиозной философии осуществляется на путях синтеза: стремлением к всеединству» [12, с. 19-20].

Эти слова дают ключ к верному пониманию идей Федорова, которые часто толкуются крайне превратно и односторонне. Типологическая характеристика русской философии, которая во многом отличает ее от западной и заключается в особо пристальном внимании к теме смерти, которое носит не отвлеченно-теоретический характер, но имеет практическую направленность преодоления смерти как высшего и предельного зла [11]. В этом и заключается тот «практический» характер истины, направленный не на теоретическое осмысление смерти (что, естественно, тоже имеет место), но на реальное ее преодоление.

Это во многом объясняет неприятие Федоровым западной философии и постоянную борьбу с ней, поскольку в ней, с его точки зрения, истина – исключительно плод спекулятивной работы разума, а не живая реальность. Такое понимание истины присуще многим русским философам, но у Федорова оно выражено с предельной остротой. Он пишет: «Вся древняя философия была таким блужданием и пришла к полному отрицанию истины, когда Пилат, задав вопрос “что есть истина”, не стал даже дожидаться ответа, потому что уже заранее был твердо убежден, что никакой истины нет. Европейская новая философия повторила блуждания и пришла к тому же отрицанию, потому что предмет знания теоретического разума, предмет любознательности ученого сословия не стал предметом дела всех» [15, с. 165].

Во многом это, конечно, парадоксальная ситуация, свойственная вообще русской философии, с ее местом в контексте европейской и мировой мысли. Будучи глубинно связанной с западноевропейской философией, русская находится в постоянной оппозиции к ней, являясь неким органом ее критики. Причем это свойственно не только религиозному направлению русской философии (примером чего могут служить принципиально нерелигиозные идеи «любомудров», критика западной цивилизации А. И. Герценом, резкое неприятие Гегеля В. Г. Белинским и т.д.). Часто это объясняют теоретической слабостью русской мысли, как бы неспособной на самостоятельное философское творчество, а способной лишь на критику. Но, с другой стороны, понимание *истины как живой реальности*, именуемой в терминах «живознания», содержит в себе очень оригинальное и самобытное зерно. Оно, конечно, связано с христианской традицией, но особым, неортодоксальным образом. И это может вызывать исследовательский интерес.

Ученик Н. Ф. Федорова, сам оригинальный философ В. А. Кожевников уделяет этому аспекту особое внимание. В своей знаменитой книге он подводит итог всему развитию западноевропейской философии, а также философии Федорова как альтернативе этой традиции. Он пишет: «Выводы рассудка не совпадают с запросами сердца, с требованиями совести; конечный вывод чистого мышления, истина, в мире, каков он есть, не совпадает с итогами нравственного чувства, предъявляемыми к миру, каким он должен бы быть» [3, с. 172]. Он полагает, что данный разлад в философии, который явился результатом долгого господства чистого мышления, может быть преодолен лишь федоровской «философией дела», поскольку она содержит в себе основополагающее нравственное ядро, пронизывающее все философские посторонняя. Вот почему, считает В. А. Кожевников, истина – это правда и благо, и с его точки зрения это в полной мере представлено в философии «общего дела» Н. Ф. Федорова.

Не абсолютизируя эту позицию, все же необходимо отметить, что в словах В. А. Кожевникова раскрыт глубокий смысл учения Федорова и всей русской философии, понимания которого часто не хватает современным исследователям. Что, в частности, проявляется в одностороннем прочтении философии «общего дела», из которой чаще всего берется ее техническая сторона, связанная с механизмами достижения физического бессмертия. Современная иммертология часто эксплуатирует этот сюжет Федорова, создавая самые невероятные, а часто просто нелепые проекты.

С нашей точки зрения именно этот (иммертологический) аспект – не самый важный в учении Федорова, гораздо важнее этическая сторона этой философии, в центре которой человек, который нуждается, прежде всего, в нравственной заботе. И в этом суть истины, которая имеет нравственный характер. Именно нравственный характер истины синтезирует раздробленное бытие, совмещая веру и знание, науку и религию.

В заключение необходимо подчеркнуть, что учение об истине в философии «общего дела» Н. Ф. Федорова носит, с одной стороны, синтетический характер, предполагающий единство науки, религии и философии, с другой – «органический», вписанный в традиции «живознания», уходящие вглубь древнерусской книжности. Именно этот аспект представляется наиболее важным, поскольку он акцентирует внимание на аксиологическом (нравственном) характере истины, призванной к практическому преодолению зла и смерти как недолжного состояния мира. В этом особенность учения Н. Ф. Федорова об истине, с которым связана постоянная его критика «отвлеченного знания», которое не представляет полной истины, поскольку его интересы связаны исключительно с теоретическим познанием.

Можно сказать, что синтетический характер истины, представленный в учении Н. Ф. Федорова, возвращает философии ее искомое и исконное – поиск первоначала сущего на различных путях, в том числе и на путях единения науки и религии. В отдельности ничто и никто не может дать искомой полноты. В этом смысле синтетический характер истины можно также назвать и соборным, что также соответствует корневым традициям русской мысли.

Философия «общего дела» Н. Ф. Федорова представляет собой в этом плане уникальный этико-философский проект, противостоящей раздробленному духу современности, в котором исчезают истина и смысл. И главное, исчезает само стремление к истине, к ее поиску. Представляется, что такая постановка вопроса достаточно актуальна сегодня. И то, что многие современные философы и ученые обращают на философские построения Н. Ф. Федорова пристальное внимание, свидетельствует о том, что его нравственно-синтетический идеал есть большая ценность, в которой нуждается человеческая мысль, стремящаяся идти в будущее.

Список источников

1. **Будущее философии: профессиональный и институциональный аспекты:** сб. статей. СПб.: РХГА, 2011. 293 с.
2. **Кобченко А. А.** Проблема взаимодействия науки и религии в русской философской мысли // Ответственность религии и науки в современном мире. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. С. 69-75.

3. **Кожевников В. А.** Опыт изложения учения Н. Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М.: Мысль, 2004. 576 с.
4. **Куракина О. Д.** Русский космизм: теургия Православной Синархии // *Философия бессмертия и воскрешения*: в 2-х вып. / ред.-сост. С. Г. Семенова. М.: Наследие, 1996. Вып. 1. С. 47-53.
5. **Марков Б. В.** Трансформация философии // *Будущее философии: профессиональный и институциональный аспекты*: сб. статей. СПб.: РХГА, 2011. С. 23-38.
6. **Меденица В.** Истина есть истина, алетейя, вечная память // *На пороге грядущего: памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903)* / ред.-сост. А. Г. Гачева, М. М. Панфилов, С. Г. Семенова. М.: Пашков дом, 2004. С. 65-81.
7. **Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829-1903)**: сборник научных статей / сост. А. Г. Гачева, М. М. Панфилов; отв. ред. А. Г. Гачева. М.: Академический Проект, 2018. 912 с.
8. **Н. Ф. Федоров: pro et contra**: в 2-х кн. СПб.: РХГА, 2004. Кн. 1. 1107 с.
9. **Н. Ф. Федоров: pro et contra**: в 2-х кн. СПб.: РХГА, 2004. Кн. 2. 1216 с.
10. **На пороге грядущего: памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903)** / ред.-сост. А. Г. Гачева, М. М. Панфилов, С. Г. Семенова. М.: Пашков дом, 2004. 456 с.
11. **Русская философия смерти**: антология / сост., вступ. ст., коммент. К. Г. Исупова. М. – СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 663 с.
12. **Сабилов В. Ш.** Сотериологическое предназначение и смысл русской религиозной философии: автореф. дисс. ... д. филос. н. Екатеринбург, 1996. 40 с.
13. «Служитель духа вечной памяти». **Николай Федорович Федоров (к 180-летию со дня рождения)**: сборник научных статей: в 2-х ч. / сост. А. Г. Гачева, М. М. Панфилов. М.: Пашков дом, 2010. Ч. 1. 432 с.
14. «Служитель духа вечной памяти». **Николай Федорович Федоров (к 180-летию со дня рождения)**: сборник научных статей: в 2-х ч. / сост. А. Г. Гачева, М. М. Панфилов. М.: Пашков дом, 2010. Ч. 2. 448 с.
15. **Федоров Н. Ф.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. Т. 2. 498 с.

Teaching about Truth in N. F. Fyodorov's "Philosophy of Common Cause"

Dzhaparov Anton Ivanovich

Moscow Orthodox University of St. John the Apostle
djarparov@bk.ru

The article considers attitude to truth as a philosophical category characteristic for the Russian thought of the XIX century. As an example, the researcher examines N. F. Fyodorov's doctrine, this aspect of his philosophy has not previously attracted researchers' attention. The paper justifies the thesis that Fyodorov's attitude to truth is largely practical, being axiological (ethical) in its essence. This conclusion is justified by the fact that theoretical interests in his teaching are opposed to ethical ones, involving memory of departed ancestors and resurrection of past generations. It is shown that for N. F. Fyodorov, synthesis of science, religion and philosophy is a necessary prerequisite and condition for truth. The paper justifies relevance of such an interpretation of truth for modern culture, in which ontological and ethical understanding of truth is lost.

Key words and phrases: truth; faith; reason; religious and philosophical synthesis; morality; N. F. Fyodorov; common cause; Russian philosophy; gnoseology; immortality.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 10.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.19>

В статье рассматривается феномен эмансипации ужаса, который стал возможным благодаря автономизации безобразного. Этот процесс происходит в рамках фундаментального антропологического поворота, которым отмечены современные философия и культура. Показано, что в современной культуре ужас приобрел вездесущий характер, став значимой частью реальности. В этом контексте обнаруживается новая оппозиция – смысл/ужас, – которая пришла на смену прежней оппозиции: страх/ужас. Это, с одной стороны, объясняет ситуацию смыслового вакуума современности, а с другой – большой интерес к жанру хоррор, который выступил в качестве производителя новых смыслов для массового общества.

Ключевые слова и фразы: ужас; абсурд; фильмы ужасов; безобразное; трагедия; смысл; эстетика; антропологический поворот.

Северцев Владислав Викторович

г. Москва

vsevertsev@fmpgroup.ru

Эмансипация ужаса как феномен современной философской культуры

Тематика ужаса в последние десятилетия достаточно интенсивно входит в интеллектуальный дискурс отечественной философской культуры, выступая в различных жанрах и контекстах. Исследовательский диапазон чрезвычайно широк и охватывает почти все области проявления данного феномена [4; 8; 10; 13; 17].